

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**«ЗАБОТА О СЕБЕ»
КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
СОВРЕМЕННОГО КЛАССИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Сборник статей и материалов
международной научной конференции
24–25 ноября 2017 г.
г. Томск

Издательство Томского университета
2018

УДК 130.2 87.5

ББК 87.5

ДЕНЬГИ КАК УСЛОВИЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Г.И. Петрова, И.А. Васильева

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск*

Рассматривается вопрос о влиянии денег на образование. Если традиционно образование и как идея, и как социальный институт было несовместимо с меркантильным интересом, а его забота о духовном мире человека являла себя в качестве главной, то сегодня, оказавшись в условиях недофинансирования со стороны государства, оно вынуждается к тому, чтобы принять коммерческие установки. В этом смысле забота о формировании образовательной субъективности оказалась связанной с заботой о деньгах, которая для субъективности является чисто внешней, не имеющей к ней суцностного отношения. Эмпирический материал в статье подается на примере университетского образования, которое в отличие от его организации в классическое время становится зависимым от денег. Формирование университетской образовательной субъективности оказывается связанным с заботой о деньгах, что искажает содержание, цель и суцность этого процесса.

Ключевые слова: образование, «забота о себе», образовательная субъективность, деньги, духовные практики.

Постановка вопроса о роли денег в формировании образовательной субъективности сегодня актуализируется в связи с тем, что для образования в целом и университетского образования в том числе стало неоспоримым фактом лояльное и активное принятие коммерческих начал. Вместе с тем образовательная деятельность непосредственно ни теоретически, ни исторически коммерческими отношениями не обосновывается, и образовательные учреждения не имеют коммерцию в качестве той цели, во имя которой они исторически создавались. Так, университетское образование, стимулируемое и инициируемое в своем возникновении средневековыми монастырями, отдавало предпочтение в соотношении плоти и духа заботе о духовности, и соответственно образовательная деятельность ставилась выше денег, являлась средством борьбы с праздностью и низ-

менными желаниями. Монахи-преподаватели некоторых орденов давали обет не прикасаться к деньгам, именуя их мирской скверной. Совершенно «...скандальной представлялась людям традиционных взглядов оплата занятий наукой: ведь возможность занятия ею – дар Божий – не должна вознаграждаться деньгами» [3. С. 34].

Современная же ситуация в образовании связана с его коммерциализацией и превращением его продукта в товар. Деньги оказываются условием развития образовательной субъективности в том смысле, что они ставятся на место цели деятельности обоих полюсов образовательного процесса – и учащегося и преподавателя. Ф. Теннис отмечает: «Родители смотрят на образование как на способ подготовить своих детей к жизни в будущем» [7. С. 324]. Признано, что без скрепляющей силы денег регулирующие механизмы в образовании уже не существуют, хотя по-прежнему остаются не исчерпываемыми ими [6. С. 9–12]. Именно поэтому деятельность учителя теряет свой сакральный смысл и оказывается подчиненной материальному фактору.

Одной из причин указанной переориентации современного образования является вхождение в него рыночных отношений. Надо, однако, сказать, что рынок в российское образование вошел без учета специфики этого социального института – его сущностно нематериальной природы. Будучи по своей природе процессом, связанным с человеком и его сознанием, образование, чтобы остаться таковым даже в случае принятия рынка, не может потерять присущей ему ориентации на формирование разума – пусть и рыночного, но именно разума. Проблема «рынок и образование» может, безусловно, стоять, но ее видение и соответственно решение здесь имеют свою сущностную специфику. Находясь в пространстве работы с сознанием, образование осуществляется не в сфере продажи материальных продуктов и услуг. Поэтому легитимное вхождение рынка в образование может осуществляться только как формирование рыночного мышления. Безусловно, товарно-материальный характер образования противоречит его исторически сформировавшейся традиции, его некоммерческой природе, но даже если принять такую возможность, то, имея в виду его специфику, нельзя не видеть и специфику действия рынка в образовании. В свое время М. Вебер, говоря об этой специфике и сравнивая образовательную услугу, которую оказывает преподаватель, с услугой продавца капусты, достаточно убедитель-

но и наглядно показал разницу продаваемых тем и другим продуктов и оказываемых этими субъектами услуг. Рынок в образовании не имеет в виду добычу денег путем рыночных продаж. Эта проблема решается не в плоскости хозяйственного значения. Она встает здесь в плоскости формирования специфического – рыночного – способа мышления. Рыночное мышление – это особый «способ человеческого мышления и деятельности на основе их самоорганизации, самостоятельности, умения продумывать опережающие ходы, проектировать и прогнозировать» [5. С. 74]. Это мышление активное, инициативное, хозяйственное, деловое и проч. Именно оно может быть связано с получением прибыли, на что всегда и ориентируются рынок и коммерция.

В ракурсе развития рыночного мышления рынок в образовании вполне возможен. Но это видение рассматриваемой проблемы (в практике, по крайней мере, российского образования) уступает свое место рынку, увиденному в качестве откровенного процесса коммерциализации образовательной деятельности. Не стоит говорить очевидное, а именно: такое понимание может обернуться для образования потерей его места и функционального назначения в обществе как того социального института, который связан с идеальной сферой жизненного развития, интеллектуально-познавательными отношениями, с сохранением и порождением культуры, с развитием внутреннего мира личности, его духовно-нравственных интересов.

Однако отрицать роль денег в образовании как условия, воздействующего на процесс подготовки образовательной субъективности (акцентируем: подготовки, а не результативное содержание), тоже нельзя. Деньги – это один из инструментов, способствующих процессуальной организации становления образовательной субъективности, но никак не воздействующих на ее структуру, сущность и содержание. Они включаются в учебный процесс, несут «начальный вкус опыта» [7], поскольку создают возможность его организации через, например, такие факторы, как заработная плата преподавателя, стипендия студента, обеспечение всей материальной стороны самого образовательного процесса – создание стен школьного здания, оплата отопления, света, воды и проч. Они входят в образование также через отдельные методы мотивации студентов: повышенная стипендия, репетиторство, участие в городских творческих клубах, олимпиадах и т.д. Однако все это не имеет цели создать челове-

ка как образовательную субъективность, деньги – лишь условие возможности реализовать этот процесс. Деньги заставляют образование постигать процесс потребления [8], которое включается в общую для всех членов общества цепочку заработка и последующего приобретения необходимого материального продукта. Духовная сфера в этом случае остается в стороне. И если деньги поставить во главу угла и рассматривать их зарабатывание целью образовательной деятельности, то образование войдет в противоречие со своей сущностью: перестанет быть деятельностью, связанной с сохранением и порождением духовно-интеллектуальной культуры и личности. Отдельные образовательные организации пытаются компенсировать ее отсутствие покупкой статуса символов за деньги (места в рейтингах, звания), чтобы самоидентифицироваться через них. Это стирает грань их отличия от иных коммерческих предприятий.

Деньги включаются в научную деятельность образовательной организации через многочисленные грантовые системы поддержки, направляющие взгляд на решение проблем прикладного и фундаментального характера. Они вовлекают образовательные организации в процесс потребления, как его обозначил Ж. Бодрийяр, в «деятельность систематического манипулирования знаками» [1. С. 213]: заставляют учитывать имеющийся оцифрованный опыт и подобным же образом каталогизировать полученные результаты, искать им прикладное применение, тиражировать опубликование научных результатов, при этом стараясь коммерциализировать конечный продукт. Процесс потребления в такой его интерпретации касается не только образования как института, но и любой трудовой функции, так как НОК труда уже сегодня требует от человека навыка оперирования достаточно большим объемом информации, а он приобретает, главным образом, в образовании.

Во многих странах в связи с этим заговорили о необходимости введения всеобщего высшего образования. К сожалению, официальные заявления, планирующие образовательную деятельность в России, идут вразрез с описанной выше мировой тенденцией. Вице-премьер О. Голодец говорит о том, что большинству россиян (65 %) высшее образование не требуется [2]. Однако это явно противоречит мировым запросам.

Перспектива развития высшего образования состоит в том, что оно все в большей степени становится ориентированным на работо-

дателя, который при современной хозяйственной структуре всегда ориентирован на рынок. Конечно, работодатель имеет в виду, что современная профессиональная деятельность требует не закрепленные в абсолютную и неизменяющуюся форму знания и навыки, но профессиональную способность самостоятельно их добывать, адаптировать к конкретным условиям и уметь их трансформировать. Но основное значение в современном мире профессии приобретают личностные характеристики – гуманитарная грамотность, ответственность, нравственное отношение, видение последствий своей деятельности и т.д. Поэтому современная образовательная субъективность не может в стенах вуза быть ориентированной на рынок профессионалов, предлагающих себя работодателю и подчиняющихся его принципу выбора: каким «ты хочешь меня купить» [8]. Изменчивость, непрогнозируемость и потеря однозначной логики в развитии делают современный мир профессии чрезвычайно сложным. Более того, развитие науки и техники сегодня столь высоко, что оказывается сопряженным с опасностями техногенного, милитаристского и откровенно антижизненного характера. Наука, возникая, имела в виду гуманные цели помощи человеку, его освобождения от тяжелого физического труда, она носила априорно гуманистический характер. Но современная наука потеряла эту априорность, оказавшись способной подчиниться человеку и быть использованной в создании ненадежных АЭС, в результатах клонирования, в создании искусственного интеллекта, который, будучи оторванным от своего биологического носителя, может угрожать человеческой жизни. Все это говорит о том, что современная образовательная субъективность не может быть ориентированной только на деньги и работодателя, заинтересованного в рыночной прибыли.

Научить техникам (заботе) себя, формированию себя таким, которому может открыться Истина, – в этом состоит задача образования по конструированию собственной субъективности. Задача последней – открыть истину самого себя, овладеть способностью не только вписаться в мир, но и сохранить его. В этом смысле «забота о себе» современной образовательной субъективности не нарушает принципы её древнегреческого понимания, когда ее целевые установки были связаны с «эстетическими и этическими критериями существования», когда были «усилены и переоценены внутренние связи с самим собой и повышена значимость отношения к себе» [9].

С. 52]. Подобно Сократу, объясняющему знатному юноше Алкивиаду, что внешняя забота о себе (забота о том, как я одет, где живу, что ем...) ничего не имеет общего с истинной «заботой», характерной для образовательной субъективности, ориентированной на познание современного гиперфункционального мира, требующего интеллекта, совместно с развитой эмоциональной структурой человека, рационального отношения, включающего эмпатию, сопереживание, чувствование другого. В образовании главное не рынок и не деньги, напротив, главное в том, что им (рынку и деньгам) противоположно, а именно – «забота о себе» как постоянное самовосстановление «духовно-детерминированной человеческой целостности» [4].

Таким образом, деньги в силу характера современной культуры, являясь условием конструирования образовательной субъективности, заставляют человека находить свое место в социуме, осваивать альтернативы профессиональной компетентности сообразно изменяющемуся миру, самоопределяться и самоидентифицироваться не только профессионально-стоимостно, но и индивидуально-ценностно.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Система вещей / Ж. Бодрийяр. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
2. *Голодец* считает, что 65 процентам россиян высшее образование не нужно [Электронный ресурс] // Вести.RU: «Вести»: интернет-газета. 2016. URL: <http://www.google.ru/amp/s/amp.vesti.ru/doc.html> (дата обращения: 01.11.2017).
3. *Гофф Ж.Ле.* С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1991. С. 25–48.
4. *Зеньковский В.В.* История русской философии / В.В. Зеньковский. М., 2001. 880 с.
5. *Петрова Г.И.* Философия университетского образования: модификация критериев классического университета в обществе знания: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 172 с.
6. *Теннис Ф.* Общность и общество / Ф. Теннис. М., 2002. 452 с.
7. *Тоффлер Э.* Футуршок / Э. Тоффлер. СПб.: Лань, 1997. 464 с.
8. *Фромм Э.* «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 314 с.
9. *Фуко М.* История сексуальности – III. Забота о себе / М. Фуко. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.